

Л. А. Мосионжник

Rausch S. 2013. Bilder des Nordens. Vorstellungen vom Norden in der griechischen Literatur von Homer bis zum Ende des Hellenismus. Eurasien-Abteilung des Deutsches Archäologisches Institut: Archäologie im Eurasien, Bd. 28. Berlin: Philipp von Zabern GmbH. — VIII, 444 S. ISBN 978-3-8053-4658-0

В 2013 г. Евразийское отделение Германского археологического института (DAI) выпустило в издательстве «Philipp von Zabern» монографию Свена Рауша «Bilder des Nordens» — «Картины Севера», или, точнее, «Образы Севера». Написанная на основе докторской диссертации, она составила 28-й том серии «Археология в Евразии». Как замечает в предисловии сам автор (Rausch 2013: VIII), несколько необычно, что филологическая работа выходит в археологической серии, но это объясняется её междисциплинарным характером, а также длительным сотрудничеством автора с археологами в многолетних исследованиях, в том числе и на землях древней Скифии.

Нельзя сказать, чтобы северные страны были для эллинов изначально «землёй неведомой». По крайней мере, для Причерноморья есть археологические свидетельства торговли с эгейским миром ещё в бронзовом веке. Тем более странны фантасматические представления греков об отдалённых северных странах. Как издатель (Свенд Ханзен) в предисловии, так и сам автор во введении (Rausch 2013: VII, 1—5) упоминают о том, какие это породило спекуляции в националистической науке XIX—XX веков. Эти спекуляции достигли пика в эпоху нацизма, а сейчас, увы, возрождаются в Восточной Европе. Мне уже доводилось затрагивать этот вопрос (см.: Мосионжник 2012: 41, 81—86, 217—218 и др.). Здесь же заметим лишь, что гиперборейский миф эксплуатировал и А. Розенберг — «официальный философ» Третьего рейха, и Г. Вирт — создатель института «Наследия предков» (Ahnenerbe) под патронажем СС, а в наши дни — В.Н. Дёмин, идеи которого довольно

известны широкой публике, хотя и не котируются в научных кругах, и философ А. Г. Дугин. Аргументы о том, что греки верили в существование «нордического» народа высокой культуры, сводятся лишь к нескольким утверждениям: миф о гипербореях, их физическое и моральное совершенство (вегетарианцы, мирны, не знают болезней, живут до тысячи лет); образ Аполлона Гиперборейского, прилетающего в этот блаженный край на лебедях; священные посольства из этих загадочных краёв в Дельфы. Плюс, конечно, нередкие в греческой литературе упоминания севера и северного ветра с положительной коннотацией. Да ещё облик германцев в описании римских авторов: «высокие, стройные, белокурые...» — и, конечно же, воинственные.

Нельзя сказать, чтобы такие построения встречались только у мистиков и лжеучёных. Так, петербургский археолог Д. А. Мачинский (1997: 85—87, там же ссылки на его более ранние труды) старался доказать, что гипербореев следует искать в Минусинской котловине, а Рипейские горы — это Алтай. Собственно, такое допущение никаким фактам не противоречит. Но сомнительно утверждение уважаемого археолога: «Другая локализация гипербореев, восходящая к сведениям VIII—VI вв. до н.э. (и ранее), неразрывно соотносит их с Рипеями...» (Мачинский (1997: 85) — следует ссылка на Аристеев из Проконнеса, Геродота и более поздних авторов.

Слабое место всех этих рассуждений (как относящихся к серьёзной науке, так и не имеющих к ней касательства) заключается в том, что представления эллинов о Севере принимаются за неизменные в течение всей античности. «Древние греки верили...» —

понимается как: верили все греки, от Гомера до средних веков. Недоставало глубокого анализа этих представлений, их изменчивости во времени, причин появления и исчезновения тех или иных мотивов.

Эту задачу и взял на себя Свен Рауш. Почти половину объёмистого тома (Rausch 2013: 247—428) составляет выборка всех дошедших до нас отрывков из греческой литературы, в которых упоминается север или его синонимы (Борей, сторона Большой Медведицы и пр.). При этом, однако, с самого начала автор подчёркивает, что ключ к греческой картине Севера — не географические познания греков, а их представления о пространстве и об оппозиции «мы — другие». Таким образом, позиция исследователя — не столько историческая, сколько культурологическая.

Уже Эрнст Кассирер показал (на психологическом и антропологическом материале), что человек не представляет себе пространство по Евклиду, но лишь как расчленённое и иерархизированное. Его наблюдения развил Жан Пиаже, идеи которого особенно прижились в грецистике. На этой основе можно обосновать, что греки представляли себе Север в виде концентрических зон от центра к периферии (Rausch 2013: 14—15). И в этих представлениях умопостигаемая Скифия, которую греки себе представляли, и реальная Скифия (в том числе известная нам по данным археологии) могли не иметь между собой ничего общего, кроме названия (Rausch 2013: 14). Приходится подозревать, что во многих скифских сюжетах греческой литературы найдётся немало «развесистой клюквы».

Так, у Лукиана есть рассказ «Токсарид, или Дружба». Два собеседника — грек и скиф — рассказывают истории о прочности дружбы у своих народов. Иногда этот рассказ принимают за источник по истории Скифии — и совершенно зря. Так, в этом рассказе одна семья откочёвывает от своего племени — и при этом ей не грозит неминуемая гибель: «В данном случае Лукиан был заинтересован вовсе не в том, чтобы хоть сколько-нибудь точно охарактеризовать реальные семейные отношения в скифской среде, а хотел представить Абахва в кругу семьи, самой обычной (по составу) для бедных италийцев или греков из числа городских жителей своего времени. Мало того, что с такой семьёй скиф, пребывающий в нормальных для него условиях, был бы лишён возможности прокормиться, он был бы совершенно незащищён в случае посягательств с чьей бы то ни было стороны» (Ельницкий 1977: 203, сн. 79). В этой «Скифии» водятся

львы (Токсарид, 43), на Боспоре правит царь Левканор и его преемник и брат Эвбиот (44, 50, 54), не известные ни по каким другим источникам; скифы господствуют над синдами, реально подчинявшимися Боспору (55), и живут в одно время с аланами (51)... В них ли дело? Но ведь Вольтер написал философскую повесть о Задиге, принце Вавилонском, вообще не веря в реальное существование Вавилона. Точно так же и Лукиан («Вольтер классической древности» — Энгельс 1962: 469), разделяя в какой-то мере идеалы киников, описывал киническую утопию, где варвары дают образцы добродетели, а дружба превыше всего. Реальной же Скифии, в его время уже не существовавшей в прежнем виде, Лукиан не знал и знать не хотел.

Более того, как считает С. Рауш, говорить об эпохе, когда мифопоэтический (иррациональный в широком смысле) взгляд на мир у эллинов сменяется рациональным, вообще нет смысла: эти взгляды сосуществуют в любую эпоху, включая нашу. Так, у Гомера скифы не упоминаются, и это считается доказательством того, что гомеровская картина мира — ещё мифологическая (Rausch 2013: 17). Однако автор допускает возможность того, что поэт, известный нам как Гомер, мог жить где-то в пределах первой половины VII в. до н. э. (Rausch 2013: 18), когда греки уже явно обладали реальными знаниями о Чёрном море (мы не будем вдаваться в вопрос о достоверности этой датировки, поскольку наша задача сейчас не в этом). На самом же деле мифологическая (воображаемая) и научная картина мира не отменяют друг друга, а сосуществуют. По едкому замечанию автора: «Если бы волею случая в отдалённом будущем из всей литературы XX века сохранился только “Властелин Колец”, из этого произведения и из описания Средиземья вряд ли можно было бы многое узнать о пространственных представлениях XX века» (Rausch 2013: 19, сноска 97). Знаменитый рисунок, изображающий картину мира современного жителя Нью-Йорка (Rausch 2013: 18), как нельзя лучше показывает, что представления греков о структурированном, иерархическом пространстве не наименее нынешних.

Вместо этого автор ссылается на идею Ю. М. Лотмана о хронотопе, а также на идеи Мишеля де Серто (de Certeau, работа 1980 г.), различающего точки зрения *flaneur* и *voyeur* (условно переведём как «гуляки» и «созерцателя»). Фланёр («гуляка») непосредственно перемещается в пространстве и представляет его себе как пройденный или предстоящий

путь, относится к нему буднично-практически и феноменологически, опираясь на собственный телесный опыт. Созерцатель же обозревает пространство как бы с высокой башни, видя его целиком, но непосредственно в нём не действуя. Его восприятие — абстрактное, геометрическое, более детальное, но пассивное. Древние греки в этом отношении были «фланёрами», поэтому их непосредственное ощущение пространства было не таким, как у современного географа. Их периплы — это картины мира с точки зрения «гуляки», очень практичные и почти физически ощутимые. Позиция же «созерцателя» уже у Гомера представлена богами, обозревающими весь мир с Олимпа. Поэтому изобретение карты Анаксимандром и Гекатеем означало новый взгляд на мир, но способ мировосприятия, лежащий в основе их карт, не приходится считать новым (Rausch 2013: 20).

Откуда, например, взялись на этих картах Рипейские горы? Представление о том, что грекам было что-то известно об Урале, довольно позднее: само это отождествление вошло в массовое сознание лишь в XVIII веке (например, у Г.Р. Державина в «Памятнике»: «где Волга, Дон, Нева, с Рифея льёт Урал»). Со своей стороны, Р. Рамсей (1982: 186), считает, что «Рифейские горы — это пример географического мифа, родившегося из литературного каприза»: они появляются в одной из поздних — IV в. н. э. — версий «Аргонавтики» исключительно для украшения сюжета. Д. А. Мачинский же, как мы видели, относит их появление к самому началу архаики. Автор же с подобными мнениями не соглашается (Rausch 2013: 22—25): «Однако текстовые источники об этом появляются в основном начиная с императорского времени» (Rausch 2013: 22). До V в. до н. э. упоминания о Рипейских горах крайне скудны и неопределённые, да и в дальнейшем греки не слишком интересовались краями, столь далёкими от района своей активной деятельности. У Гомера и Гесиода взгляд Зевса, обращённый к северу, не упирается в горы (Rausch 2013: 22). По данным С. Рауша, лишь около 400 г. до н. э. Гелланик Лесбосский (от которого не сохранилось ни одного фрагмента: сведения о нём имеются у нас из рук Климента Александрийского) поместил на северном краю мира Рипейские горы и связал их с гиперборейями. У Эсхила в «Освобождённом Прометее», правда, гиперборейи и Рипейские горы тоже связаны между собой, но, по мнению автора, подлинность этого текста сомнительна: Аполлоний (по утверждению схолиа-

ста, ссылающийся в этом вопросе на Эсхила) о гиперборейях не упоминает (Rausch 2013: 24). Со своей стороны, Геродот говорит о гиперборейях, но не о Рипейских горах. Аристотель упоминает неких «прежних метеорологов» (Rausch 2013: 23), полагавших, что солнце проходит свой путь не в вертикальной плоскости (точка восхода — зенит — точка захода), а в почти горизонтальной. В таком случае ночью оно должно находиться на севере, а не видно его потому, что его заслоняют какие-то огромные горы. Но непонятно, каких «метеорологов» имеет в виду Аристотель: в сохранившихся текстах такого утверждения нет, как нет и связи между ночью и севером вообще (Rausch 2013: 23).

Как объясняет эту ситуацию сам автор, Рипейские горы не были значимой частью раннегреческой картины мира. В «Илиаде» есть выражение: «ὄλο ῥίπης αἰθήρουενός Βορέαο»¹ (Hom. II. XV, 171). Это позволяло счесть «ῥίπη» эпитетом Борей. Так как собственное значение этого слова — бросание, удар, порыв, натиск, дуновение ветра и пр. (Вейсман 1991: 1115), то «Рипейские» горы можно перевести как Шквалистые или Буранные горы. При этом греки полагали, что ветер, приносящий в их страну холод, рождается в ущельях Фракийских гор — впрочем, «фракийским» этот ветер называли и на Сицилии (Rausch 2013: 25, со ссылкой на «Киклопа» Эсхила). А поскольку Скифия ещё холоднее, чем Фракия, но лежит за нею, так что «фракийский» Борей в её сторону дуть не может, оставалось допустить одно: за Скифией лежат горы ещё выше и суровее, чем Фракийские, и с них-то и дует ветер, выхолаживающий Скифию (Rausch 2013: 25). Их-то условно и назвали Рипеем — «горами буранов». А уж дальше можно было предположить, что между этим хребтом и берегом Океана лежит ветровая тень, климат которой может быть и тёплым (раз уж холод связан с горами, а не с широтой), и там-то и найдётся место для блаженных, «живущих за северным ветром» (ὑπὲρ-βόρειοι). Напомним, что вплоть до XVIII века географы допускали возможность умеренного климата у самого полюса. Что же касается поисков «Открытого полярного моря» на севере (свободного ото льда и пригодного для мореплавания), то лишь

¹ Приблизительно можно перевести: «от порыва рождённого эфиром Борей». Однако вряд ли случайно, что и Н.И. Гнедич, и В.В. Вересаев в своих переводах «Илиады» предпочли передать это место не буквально.

Ф. Нансен в 1893—1896 гг. по итогам дрейфа на «Фраме» смог доказать, что такого моря не существует (Рамсей 1982: 139).

Что касается диахронии, то в книге чётко выделяются три периода: а) с древнейших времён до рубежа V—IV вв. до н.э. (глава II); б) IV век до н.э. (глава III); в) эпоха эллинизма (глава IV). В первый период господствует «традиционное» представление о севере, во второй — оно постепенно сменяется «новым» представлением. Решающим шагом в этой смене были три события: походы Александра Македонского; плавание Пифея, датируемое примерно концом IV в. (Rausch 2013: 7, сн.63); и (главное) вторжение кельтов на Балканы. Причём в первый период Север состоит из нескольких регионов, в третий — начинает восприниматься как нечто единое. Что касается поздней античности (эпохи Римской империи), она оставлена за рамками исследования, так как пришлось бы учесть слишком много дополнительных факторов.

Раннему представлению о Севере посвящена глава II. Автор чётко показывает на огромном фактическом материале, что никаких представлений, которые можно хоть как-нибудь принять за нордизм, у греков в то время не было. Больше того, север они понимали как сторону, откуда дует Борей (πρὸς Βορέας), а сам Борей определялся не по стороне, а по свойствам: холодный, порывистый, со снегом и градом (летом — с дождём). Если ветер обладал этими свойствами — он назывался Борею, откуда бы на самом деле ни дул. Так, в «Илиаде» (IX,5) упоминаются «Шумный Борей и Зефир, кои, из Фракии дуют...» — то есть два ветра дуют в одном и том же направлении. Лишь с V в. до н.э. входят в употребление более конкретные обозначения севера как πρὸς ἄρκτων (направление на Большую Медведицу), а юга — как μεσημβρία (μέσος + ἡμέρα, полуденная сторона) (Rausch 2013: 9).

Кроме того, для «традиционного» представления Север не только размыт, но и не един. Он чётко делится на три зоны с неодинаковыми характеристиками: «ближний север» (Фракия), «дальний Север» (Скифия) и «мифический Север», населённый лестригонами, таврами и гиперборейцами (которые получают разные характеристики). При этом ощущение от Фракии, отложившееся в художественной литературе, и реальное знание о ней — не одно и то же (Rausch 2013: 26—31). Так, в пеане фракийской колонии Абдере Пиндар говорит о Фракии как об «обильной лозами и плодородной», Алкей прославляет Гебр (Марицу) как лучшую из рек, Гесиод зна-

ет качества фракийского вина (Rausch 2013: 27). Но всё это написано по особым поводам. Обычно же Фракию представляли как вечно холодные горы, на одной из которых — Пангее (близ нынешнего города Кавала) — живёт сам Борей (Rausch 2013: 26, со ссылкой на 4-ю пифийскую оду Пиндара)². Постоянные коннотации к понятию «Фракия» — холод, снег, бедствия. Самых же фракийцев греки в то время воспринимали как воинственных, жестоких, но недисциплинированных (вспомним «одомантов рать» в «Ахарнях» Аристофана), дикарей, готовых стрелять в небо, чтобы сопротивляться грозе. Им приписывалась безграмотность, хотя известно, что уже в VI в. до н.э. фракийцы пользовались греческим письмом (Rausch 2013: 29, сн. 214). При этом они трудолюбивы и гиперсексуальны: часто упоминается их многожёнство (в отношении гетов см.: Левинский 2010: 22—23, с указанием, что археологическим материалом это представление не подтверждается). Эти клише использовались в политических и судебных речах — например, в речи Демосфена против Пасиона, фракийца, ставшего траpezитом (банкиром) в Афинах (Rausch 2013: 28). Но как соотносились эти гетеростереотипы с реальным характером фракийцев — вопрос спорный (Rausch 2013: 26—31).

Что касается Скифии, то самое подробное её описание для этого периода мы находим, конечно, в IV книге Геродота. Сам Геродот бывал на скифском берегу (в Ольвии), тем не менее, он рисует картину края, где восемь месяцев в году стоит зима, так что замерзает даже Боспор (Керченский пролив), а в остальные четыре месяца идут дожди (Herod. Hist. IV, 28). Это чересчур не только для Крыма (Rausch 2013: 38—39), но даже для Южного Урала, где хотя бы июль обычно жаркий (личное наблюдение). К тому же этот экстремальный климат никак не упоминается в описании войны скифов с персами: нигде не сказано, чтобы войско Дария страдало от холода во время скифского похода. С другой стороны, в описании скифов собраны все шабло-

² Иными словами, гипербореи («живущие за Борею») — это любые народы к северу от этой горы. Ср. мнение Страбона: «Старинные греческие историки называли все северные народности общим именем скифов или кельтоскифов. Однако ещё более древние историки установили различие между ними, называя племена, жившие над Евксинским Понтом, Истром и Адриатическим морем, гиперборейцами, савроматами и аримаспами» (Strabo XI, VI, 2 — Страбон 1964: 480). Судя по этим словам, Страбон считал, что «гипербореи» — всего лишь устаревшее обозначение каких-то племён Центральной Европы к северу от Дуная.

ные черты дикарей: они скальпируют врагов, пьют из черепов неразбавленное вино, окуриваются дымом конопли и тому подобное.

В этом отношении весьма интересен небольшой трактат «О воздухе, водах и местностях» («Περὶ ἀέρων ὑδάτων τόπων» = «De aere, aquis, locis», в немецком варианте — «Umweltschrift»), к которому С. Рауш обращается достаточно часто. Авторство этого труда неизвестно, обычно его приписывают Гиппократу и включают в собрания его трудов (Гиппократ 1936: 275—306); ясно лишь, что автор был врачом. В этом описании «скифы толсты, мясисты, нерасчленены, влажны и слабы», тела их красно-жёлтые от холода, и как мужчины, так и женщины на одно лицо — из-за монотонного климата. По той же причине (удивляйтесь, поклонники скифов!) «они не могут вследствие влажности и слабосилия натянуть лук, ни бросить плечом дротик», если не летят прижиганиями³ (De aër.19 = Гиппократ 1936: 299). На целых трёх страницах Псевдо-Гиппократ рассуждает о «не мужественности» скифов, об их крайне низкой плодovitости и о случаях евнухоидизма у них (Гиппократ 1936: 299—302). Его слова подтверждаются и Геродотом — в рассказе, как Афродита Урания покарала скифов за разграбление её храма в Аскалоне (Herod. Hist. I, 105). Эта «женская болезнь» (θήλεια νοῦσος) скифов породила целую медицинскую литературу. Нетрудно понять, как должны были воспринимать такие рассказы греки, сами в Скифии не бывавшие: для них полигамия фракийцев и бессилие скифов должны были казаться бинарной оппозицией, и С. Рауш на это не раз указывает. Однако вряд ли такое противопоставление объясняет происхождение самой информации. Комментарий Псевдо-Гиппократа, профессор В.И. Карпов, ссылаясь на Штарка («De νοσῶν θηλεία, apud Hippocratem prolusio», Iena, 1827), указывает, что путешественники XVIII — начала XIX вв. отмечали подобные же явления у ногайских татар, камчадалов и некоторых племён североамериканских индейцев. Поскольку далеко не все эти племена были всадниками, причина этого явления — не верховая езда сама по себе,

как полагал Псевдо-Гиппократ. По мнению В.И. Карпова, речь скорее может идти не о болезни, а об обычае (Гиппократ 1936: 306, примеч. 18): широко известен, например, шаманский трансвеститизм. Ясно лишь, что само явление не вымышлено ради противопоставления нравов фракийцев и скифов.

Однако С. Рауш исследует не реальность, стоящую за греческими сведениями о других народах, а то кривое зеркало, в котором эта реальность отражалась. А свойства этого зеркала куда как любопытны. Так, вплоть до конца V в. до н.э. «столь же важным, как конструирование содержательной противоположности между фракийцами и скифами, было, однако, представление об устойчивой, практически непреодолимой границе между ними — Истре» (Rausch 2013: 56): каждый, кто её пересечёт, обречён на гибель, как Анахарсис. Поэтому греки не замечали не только реальных контактов между скифами и фракийцами: в литературе вплоть до V века нет никаких упоминаний даже о греческих колониях в Северном Причерноморье (Rausch 2013: 56). Одни греки уже всю осваивали скифские берега — другие же старались не замечать этого, по их мнению, невозможного и в любом случае «shocking» факта. У Геродота Дарий, пересекая Истр, губит своё войско, греки же благоразумно остаются на «своём» берегу.

В целом образы фракийцев и скифов составляют бинарную оппозицию с устойчивыми коннотациями (Rausch 2013: 56, 59, 214). Так, любовная ненасытность стойко ассоциируется с фракийцами, так что этот этноним постоянно используется, чтобы уколоть Алкивиада за его похождения. Но при этом северных варваров роднит общая черта: на поле битвы они куда не годятся. В войнах с персами греки побеждают в открытом бою лицом к лицу. Между тем даже «самые храбрые и честные среди фракийцев» — геты — покорены Дарием при первом же столкновении (Herod. IV, 93, перевод Г.А. Стратановского). А скифы хотя и побеждают персов, но сама их кочевая тактика (заставить противника искать себя по всей степи, а потом добывать его при отступлении) казалась тогдашним грекам трусостью (Rausch 2013: 57). Где в такой войне место для Ахилла или Гектора? К концу V в. до н.э. Фукидид дополняет эту картину: царь одрисов Ситалк собирает армию чудовищных размеров, но всё, что этой армии удаётся, — приграничный грабёж (Thuc. Hist. II, 98—101). Лишь где-то после 400 г. до н.э. скифы предстают в описании эллинов как действительно опасное племя.

³ Что это за прижигания, свидетельствующие о «влажности природы и слабости» (ὄλδ' ὑγρότης καὶ ἀτονίης) скифов — вопрос неясный. В. Капелле видел в них следы ожогов, но У. Бэкхаус в работе, специально посвящённой греко-варварским отношениям по данным Псевдо-Гиппократа, считал их попросту татуировкой (Rausch 2013: 42, сн.406). Впрочем, мне кажется сомнительным, чтобы грек (а тем более врач) мог спутать татуировку со следами ожогов.

Что же касается «блаженных гиперборцев», то для греков этого периода они, похоже, были народом не просто мифическим, а именно сказочным. Капитан пиратского судна, захватившего в плен Диониса, в ответ на просьбу штурмана освободить бога и доставить его на родину, говорит, что для этого нужно плыть «в Египет, на Кипр, а то даже к гиперборцам или того дальше» — в смысле: на край света (Rausch 2013: 51). А. Д. Вейсман (1991: 1279) упоминает поговорку: Ὑπερβόρειος τύχη («гиперборейское счастье», то есть неземное блаженство). Хорошо известно, что Геродот свой рассказ о них кончает словами: «в существование гиперборцев я вообще не верю» (Herod. Hist. IV, 36). Позже с ним солидаризируется и Страбон, обнаруживший упоминания о гиперборцах лишь в малоавторитетных источниках: «Переходя затем в область чистой фантастики..., относительно тысячелетних гиперборейцев Мегасфен сообщает то же, что Симонид и Пиндар и другие рассказчики мифов» — то есть помещает рассказ о них рядом с повествованием об одноглазых людях и о людях с ушами до земли (Strabo XV, I, 7 — Страбон 1964: 661).

Самый же распространённый поэтический текст на эту тему — 10-я пифийская ода Пиндара, сочинённая для праздника в честь Аполлона. Поэтому в его оде, естественно, Аполлон упоминается. Но при автор (Rausch 2013: 52) обнаруживает в ней целый ряд мест, которые должны были казаться несуразными уже первым слушателям. Так, на пир к гиперборцам попадает почему-то Персей, которого мифы нигде не связывают с Севером (сам он — родоначальник персов, его жена Андромеда — царевна эфиопская). Причём попадает лишь потому, что сам он — мифический герой, смертным этот путь заказан (Rausch 2013: 52), о чём Пиндар говорит прямо: «Но ни вплавь, ни впешь / Никто не вымерил дивного пути / К сходу гиперборцев...» (перевод М. Л. Гаспарова). Путь Персея на этот пир описан так, что вся карта мира (и современная, и древнегреческая) словно бы выворачивается наизнанку. Для пира гиперборцев приносят в жертву сотню ослов, причём обстоятельства этой гекатомбы для грека немислимы. Собрались ли они кормить бога ослятиной? К тому же ни у одного известного нам народа осёл не был жертвенным животным. Кроме того, у греков считалось аксиомой, что на Севере ослы не живут — это животные теплолюбивые. И, наконец, гиперборцы обычно считаются вегетарианцами. По мнению С. Рауша (Rausch 2013: 52), все эти нелепости — сигналы, преднамеренно расстав-

ленные Пиндаром, о том, что весь этот рассказ не следует воспринимать буквально. Допустим, в знаменитой песне о Генрихе IV есть слова: «Que Dieu maintienne / En paix ses descendants / Jusqu'à ce qu'on prenne / La Lune avec les dents» («Пусть Бог хранит в мире его потомков до тех пор, пока кто-нибудь не достанет зубами до луны»). Значит ли это, что французы допускали в отдалённом будущем такую возможность? Образно говоря: кто сумеет нанести на карту молочную реку с кисельными берегами и разыскать славный город Шильду, кто установит точные даты правления царя Гороха и найдёт ту бабушку, у которой жил-был серенький козлик, — тот пусть и занимается поисками реальных гиперборцев.

Все эти представления начинают меняться лишь после Пелопоннесской войны, когда вера греков в своё превосходство была поколеблена, а центр греческого мира начал смещаться на север — в Фессалию, а затем и в Македонию. Помимо всего, в это время исчезает деление Севера на «ближнюю» и «дальнюю» зоны, что повышает роль оставшихся частей картины мира. Причём какое-то время оба представления сосуществовали (глава III). Так, ещё в IV в. до н. э. Эсхин постоянно подчёркивал, что его политический противник Демосфен — не настоящий афинский гражданин (его дед по матери женился на Боспоре), а потому и не заслуживает доверия «настоящих» граждан (Rausch 2013: 117). Для этой цели было очень удобно клише «скифа», но употреблять его слишком часто не приходилось: его лживость была бы слишком очевидна. Оставалось прибегать к коннотациям — но не из «нового» образа скифов (храбрые, воинственные — это было бы похвалой), а из традиционного: немужественный (ἄνανδρος), женоподобный (ἀνδρόγυνος), мягкотельный (μαλακός), «импотентнее всех людей» (ἐδυνουχοειδέτατοι ἀνθρώπων) и прочее (Rausch 2013: 118). И всё это затем, чтобы, не утверждая ничего прямо, заставить слушателей самих воскликнуть: «Да это скиф! Как же смеет он выступать в Афинах против афинского гражданина?» Демосфена эти нападки очень злили, и он попытался обратить их против своего противника, обвинив того в другом «скифском» пороке — пьянстве, но успеха не добился (Rausch 2013: 118—119).

С другой стороны, сам Демосфен не мог пользоваться стереотипами северян против своего главного врага — Филиппа Македонского. Ведь «чужаки с юга, запада и как раз севера изначально рассматривались не как “Другие”, а скорее как “неведомые”, и инте-

рес к ним скорее можно оценить как “любопытство” без более глубоких переживаний» (Rausch 2013: 121). Подлинно «Другими» для греков были народы востока, особенно персы. И Демосфену не оставалось ничего иного, как переносить на Филиппа шаблоны, связанные с персидскими царями.

Окончательно же переход к известным нам взглядам на северян происходит после нашествия кельтов в начале III в. до н.э. В этот пе-

риод, как показано в главе IV, различие между «ближними» и «дальними» регионами утрачивает значение. На его место выдвигаются различия между сторонами света, а также универсальная противоположность «греки — варвары». Впрочем, не будем подробно пересказывать отличную книгу. Нам остаётся лишь отметить её чрезвычайно высокий научный уровень и рекомендовать вниманию читателей.

Литература

- Вейсман А. Д. 1991. *Греческо-русский словарь*. Репринт 5-го издания 1899 г. Москва: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина.
- Гиппократ. 1936. *Избранные книги*. Пер. с греч. В. И. Руднева. Ред., вст. ст. и примеч. В. И. Карпова. Москва: Гос. изд-во биологической и медицинской литературы.
- Ельницкий Л. А. 1977. *Скифия евразийских степей. Историко-археологический очерк*. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение.
- Левинский А. Н. 2010. История гетов в лесостепи Юго-Восточной Европы (конец VI — вторая половина IV вв. до н.э.). *Stratum plus* (3), 15—127.
- Мачинский Д. А. 1997. Сакральные центры Скифии близ Кавказа и Алтая и их взаимосвязи в конце IV — середине I тыс. до н.э. *Стратум: структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории*. Санкт-Петербург: Нестор, 73—94.
- Мосионжник Л. А. 2012. *Технология исторического мифа*. Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Рамсей Р. 1982. *Открытия, которых никогда не было*. Пер. с англ. Г. М. Улицкой. Москва: Прогресс.
- Страбон. 1964. *География: В 17 книгах*. Пер., ст. и коммент. Г. А. Стратановского; общ. ред. С. Л. Утченко. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение.
- Энгельс Ф. 1962. К истории первоначального христианства. В: Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 22. Москва: Гос. изд. полит. лит-ры, 465—492.
- Rausch S. 2013. *Bilder des Nordens. Vorstellungen vom Norden in der griechischen Literatur von Homer bis zum Ende des Hellenismus*. Archäologie im Eurasien, Bd. 28. Berlin: Philipp von Zabern GmbH.

References

- Weisman, A. D. 1991. *Grechesko-russkii slovar' (Greek-Russian dictionary)*. Reprint 5-go izdaniia 1899 g. Moscow: Greko-latinskii kabinet Iu. A. Shichalina (in Russian).
- Hippocrates. 1936. *Izbrannye knigi (Selected books)*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo biologicheskoi i meditsinskoi literatury (in Russian).
- Elnitsky, L. A. 1977. *Skifia evraziiskikh stepei. Istoriko-arkheologicheski ocherk (Scythia of Eurasian steppes. Historical-archaeological essays)*. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie (in Russian).
- Levinskiĭ, A. N. 2010. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (3), 15—127 (in Russian).
- Machinskiĭ, D. A. 1997. In *Stratum: struktury i katastrofy. Sbornik simvolicheskoi indoeuropeiskoi istorii (Stratum. Structures and catastrophes)*. Saint Peterburg: Nestor, 73—94 (in Russian).
- Mosionjnic, L. A. 2012. *Tekhnologiya istoricheskogo mifa (Technology of historical myth)*. Saint Peterburg: Nestor-Istoriia (in Russian).
- Ramsay, R. H. 1982. *Otkrytiia, kotorykh nikogda ne bylo (No Longer on the Map: Discovering places that never were)*. Moscow: Progress (in Russian).
- Strabo. 1964. *Geografiia (Geography)*. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie (in Russian).
- Engels, F. 1962. In Marx K., Engels F. *Sochineniia (Works)*. 2nd ed. Vol. 22. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 465—492.
- Rausch, S. 2013. *Bilder des Nordens. Vorstellungen vom Norden in der griechischen Literatur von Homer bis zum Ende des Hellenismus*. Archäologie im Eurasien 28. Berlin: Philipp von Zabern GmbH.

Статья поступила в номер 7 июля 2014 г.

Leonid Mosionjnic (Kishinev, Moldova). Doctor of History. High Anthropological School University¹.

Leonid Mosionjnic (Chişinău, Moldova). Doctor în istorie. Universitatea „Şcoala Antropologică Superioară”.

Мосионжник Леонид Авраамович (Кишинев, Молдова). Доктор истории. Университет «Высшая антропологическая школа».

E-mail: mosionjnic@mail.ru

Address: ¹ Zimbrului St., 10a, Kishinev, MD-2024, Moldova